

УДК 316.001

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

© 2013 г.

Е.Д. Шетулова

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

shetulowa@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.07.2013

Анализируется понятие отчуждения в постсоветской философии. Главная задача работы заключается в классификации и определении специфики сложившихся подходов. Автор анализирует представления об отчуждении в современной российской марксистской, либеральной, экзистенциально-феноменологической традициях.

Ключевые слова: отчуждение, мировоззрение, методология, реификация, дегуманизация, корпоративный капитал, тотальное отчуждение, свобода, антропологический кризис.

К отечественной философской литературе советского периода в современной России отношение неоднозначное. У этого неоднозначного отношения достаточно много истоков. Одним из таких истоков, на наш взгляд, является фактическое устранение из области философского знания ряда проблем и соответствующих им категорий. Либо рассмотрения их в ракурсе неактуальных в рамках советской действительности, с перенесением акцента на историю философии или признанием их актуальности исключительно в рамках западной действительности. В этом смысле классическим примером является такая категория, как «отчуждение».

Действительно, проблема отчуждения примерно до 50-х годов XX века оказалась фактически устраненной из области философского анализа. Когда же отчуждение постепенно вернулось в общий круг философских проблем, то практически во всех работах оно признавалось проблемой, присущей исключительно капиталистическому обществу. Пожалуй, едва ли не единственным исключением выступают работы Э.В. Ильенкова, в которых признавалось наличие отчуждения и в рамках социалистического общества [1; 2]. Отметим при этом, что в работах советского периода, посвященных отчуждению, был осуществлен обстоятельный историко-философский анализ эволюции понимания отчуждения, определено место соответствующего понятия в системе категорий материалистической диалектики. Исследовались и проблемы, взаимосвязанные с отчуждением, – проблемы гуманизма, соотношения личности и общества, сущности и существования.

В 90-е годы XX века в нашей стране сложились новые, в сравнении с предыдущим периодом, социально-политические и экономические условия. Но проблема отчуждения осталась в центре философских исследований. Особенностью этого нового постсоветского этапа выступает сложившийся методологический и мировоззренческий плюрализм в анализе проблемы. Ибо рассмотрение отчуждения начало ориентироваться не только на марксизм, как это было в предшествующий исторический период, но и на иные, прерванные по политическим причинам традиции – либеральную, экзистенциальную, религиозно-философскую с соответствующим истолкованием природы отчуждения.

Соответственно задачи, которые мы ставим перед собой в данной работе, заключаются в некоторой классификации сложившихся подходов в исследовании отчуждения, а также их характеристики в плане их специфики, аналитических возможностей и границ.

Отметим, что, с нашей точки зрения, эти подходы (когнитивные стратегии) можно выявить, отталкиваясь по крайней мере от двух типов оснований. Первый тип оснований заключен в соответствующих мировоззрении и методологии, которые характеризуют тех или иных теоретиков. Второй тип оснований – аксиологический, заключающийся в истолковании смысла проблемы отчуждения, общего характера этого явления относительно социально-исторического процесса (отчуждение – это наказание, благо или то и другое вместе).

В первом случае к основным когнитивным стратегиям, имеющим место в современной

отечественной литературе, возможно, как представляется, отнести марксистскую, либеральную и экзистенциально-феноменологическую интерпретации. Во втором случае современная отечественная литература демонстрирует три основных подхода. Первый – традиционный, когда отчуждение истолковывается как сугубо негативный феномен, вплоть до констатации его чудовищности по отношению к человеку. Второй состоит в понимании отчуждения как обладающего противоречивым, позитивно-негативным характером. Третий – парадоксально истолковывающий отчуждение как исключительно позитивный феномен. Подходы, выделенные и по тому, и по другому основаниям, требуют своего раскрытия с учетом того, что решение, данное в определенном мировоззренческом ключе, в определенной степени, обуславливает и истолкование смысла отчуждения. Раскроем сущность и продуктивность каждого из представленных подходов.

Марксистская интерпретация рассматриваемой проблемы отчуждения в постсоветский период характеризуется одновременно и известным сохранением преемственности и наличием определенных изменений, обусловленных, в том числе, общей трансформацией положения марксизма – его движением от положения господствующей идеологии до одного из течений современной мысли. Отметим далее, что внутри марксистской традиции анализа отчуждения имеют место существенно различные трактовки проблемы. Ряд авторов сохраняют подходы, практически воспроизводящие классически советскую интерпретацию проблемы. Иные же в процессе анализа демонстрируют трансформацию привычных положений. При этом большинство марксистски ориентированных исследователей в качестве базового определения отчуждения принимают то известное определение, что было дано К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» и согласно которому отчуждение есть понятие, выражающее «консолидирование» социальной деятельности людей в господствующую и вышедшую из-под контроля силу, сводящую на нет все расчеты [3, с. 32].

Примером сохранения классически советской интерпретации проблемы отчуждения являются, как мы считаем, работы В.А. Сапрыкина. По его мнению, проблема отчуждения является одной из острейших в условиях современного мира. Принципиальный момент – требование рассматривать ее не в абстрактных антропологических терминах, а в исторически и социально конкретных понятиях. Иначе, по мнению автора, исследователь оказывается вне марксистской методо-

логии. Анализ проблемы отчуждения при этом включается в контекст развития всей мировой цивилизации. В связи с этим автор констатирует, что сейчас «мы имеем дело с небывалым в новейшей истории реакционным процессом, в недрах которого развивается чудовищный по силе и масштабам феномен отчуждения, когда все общественные силы становятся чуждыми и враждебными каждому человеку, не владеющему собственностью» [4, с. 57].

Феномен отчуждения в условиях современной цивилизации, как считает В.А. Сапрыкин, включает в себя ряд собственных аспектов (в выраженном виде представлены в современной России). Этим аспектам пять: полное отчуждение от власти, полное отчуждение от собственности, отчуждение от труда и его результатов, отчуждение от культуры как «второй природы», отчуждение от морали. Наличие этих проявлений отчуждения имеет ряд следствий: труд потерял свое значение фундаментальной общественной ценности, прежние духовные ценности замещены суррогатами массовой культуры, происходит тотальный процесс дегуманизации постсоветского общества, «обесчеловечивание» личности [4, с. 57–58].

В рамках марксистской интерпретации проблемы отчуждения мы встречаем и несколько трансформированный подход в сравнении с «советской классикой». Обратимся к концепции «современного творческого марксизма», представленной работами А. Бузгалина и А. Колганова. В рамках данной концепции основным путем развития общества выступает не замена «частника» государством, а процесс ассоциирования, то есть самоорганизации, самоуправления и социального творчества [5, с. 73–74]. Для достижения соответствующего результата, как полагают авторы, необходимо «выполнить» три общечеловеческие задачи: преодолеть гегемонию корпоративного капитала, ответить на вызов глобальных проблем, которые не может решить современный капитал, преодолеть старый мир отчуждения в международном масштабе [5, с. 74]. Причем само отчуждение в его современных формах является следствием господства корпоративного капитала эпохи глобализации. И одно из основных проявлений его, по мнению Бузгалина, заключается в подчинении творческой деятельности людей глобальному корпоративному капиталу [6, с. 92].

Как видим, рассмотренные варианты марксистской интерпретации проблемы отчуждения в аксиологическом плане истолковывают отчуждение как сугубо негативный феномен, превращающий общественную жизнь в некий

«террор антикус». Однако нельзя далее не отметить, что марксизм в смысле типов интерпретации какой-либо проблемы, в том числе и проблемы отчуждения, представляет собой сегодня достаточно «богатое» течение.

Чем это обуславливается? По нашему представлению, тем, что марксизму присуща достаточно адекватная методология социального познания, что позволяет истолковать любое явление (и содержание соответствующей категории) не однонаправленно, а всесторонне, системно. Это, в свою очередь, принципиально позволяет расширять перспективы анализа феноменов действительности. Наличие этих новых перспектив в плане анализа проблемы отчуждения мы можем отметить в ряде работ В.С. Барулина. В них, по нашему мнению, проявляется именно методологическая сторона марксизма, что позволяет прийти к ряду интересных идей и выводов.

В.С. Барулин, занимаясь проблемами социально-философской антропологии, смещает имеющее место однонаправленное понимание отчуждения в сторону не столь узких и метафизических его трактовок вплоть до идеи позитивного эффекта феномена отчуждения. Дело в том, что, по его мнению, отношение человека и отчужденного (овеществленно-опредмеченного) мира трактовалось и продолжает трактоваться узко негативно ввиду того, что это отношение «понимается как одновекторное движение двух величин: от человека, с одной стороны, к овеществленному общественному миру – с другой» [7, с. 449].

Такого рода замкнутость и дает базу для глубоко негативно-ценностной интерпретации отчужденного мира. На самом деле, как показывает Барулин, для такой интерпретации нет достаточных оснований. Ибо отношение «человек – опредмеченный мир» – лишь одно звено в цепи взаимоотношений, которые включают в себя не только движение от человека к овеществленно-опредмеченному миру, но и обратное движение от этого мира к человеку. Отсюда следует вывод автора, что «именно рассмотрение всей цепи взаимоотношений, взаимопревращение человека и общественного мира позволяет увидеть, зафиксировать огромную антропосозидательную роль объективированного общественного мира» [7, с. 449], что и дает собственно возможность для позитивной оценки феномена отчуждения. Такого рода подход, на наш взгляд, более соответствует сложной сущности феномена отчуждения и открывает новые перспективы в его анализе.

Марксистская стратегия была и остается одной из ведущих в исследовании отчуждения. Ко-

нечно, она обладает и положительными, и отрицательными моментами. Основной положительный момент – наличие хорошей методологической базы анализа любых социальных проблем, процессов, явлений. Основной отрицательный момент, которого избегает, из рассмотренных нами авторов, лишь Барулин, – демонстрация «связанности» отчуждения преимущественно с капиталистическим обществом и институтом частной собственности, что не представляется правомерным ввиду множественности «свидетельств» наличия отчужденных процессов и в докапиталистическую эпоху, и во время существования «реального социализма», к примеру, в нашей стране. Другое дело, что именно в период капитализма начался реальный анализ проблематики отчуждения, сформировалась сама эта категория как таковая.

Как нами уже было отмечено, в рамках современной отечественной философской мысли наряду с марксизмом обозначился и ряд других когнитивных стратегий анализа проблемы отчуждения, базирующихся на иных, чем марксизм, мировоззренческих, методологических основаниях, прежде всего либеральная и экзистенциально-феноменологическая.

Либеральная интерпретация может рассматриваться как восстановление существовавшей, но на определенный период времени прерванной традиции (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев). К примеру, как кажется, сюда относятся работы Н.И. Лапина. Отчуждение понимается здесь как категория социальной философии и социологии, выражающая общественное отношение, социокультурную связь между субъектами, вышедшую из-под их контроля, ставшую самостоятельной, господствующей над ними силой [8, с. 181]. Причем специально подчеркивается момент, что отчуждение есть инобытие свободы, ее противоположность. В рамках данного подхода должное воздается К. Марксу и его анализу отчуждения, при совершенно справедливом акцентировании на идее Маркса, согласно которой процесс упразднения отчуждения в высшей степени сложен и далеко не прямолинеен (не заключается в простом и непосредственном отрицании частной собственности).

Акцентирование этой идеи позволяет автору обратить пристальное внимание на исторический опыт нашей страны в советский период истории, рассматриваемой критически в смысле того, что советское общество являло собой общество тотального отчуждения вместо общества провозглашенной свободы для всех трудящихся. Это тотальное отчуждение, по мнению

Лапина, включало в себя семь пластов. Во-первых, отчуждение подавляющего большинства населения от участия в управлении страной, от власти. Во-вторых, отчуждение работающих от результатов своего труда. В-третьих, тотальное раскрестьянивание. В-четвертых, отчуждение структуры производства от потребностей населения. В-пятых, отчуждение людей от правдивой информации. В-шестых, тотальная утрата гражданами личной безопасности. В-седьмых, самоотчуждение общества от развития [9, с. 30–33].

Современный же период видится Лапину как постепенный переход от тотального отчуждения человека к его относительной свободе, что стало возможным благодаря интенсификации модернизационных процессов в России: рационализации и либерализации ценностных ориентаций населения, разделению властей, становлению независимых политических партий, плюрализации форм собственности, созданию рынков труда и капитала, системы частных банков [10, с. 16]. Отчуждение при этом, конечно, сохранилось, но трансформировалось, перестав быть целостным, охватывающим все стороны жизни человека, что позволяет, по представлению Лапина, констатировать начало процессов реификации, то есть возвращения человека из отчужденного состояния. Однако пока можно говорить лишь о феноменной, а не о сущностной реификации (в глубинных слоях формируются новые формы отчуждения) [8, с. 182].

В известной мере, сходной позиции придерживается Г.С. Киселев. Эта сходность обусловлена негативным отношением к тотально отчужденному советскому обществу и видением путей гуманизации мира, которые усматриваются в развитии правового государства и гражданского общества (другими словами – во всемерном развитии открытого, либерального общества) [11, с. 27]. Однако, в отличие от Лапина, Киселев акцентирует внимание не на уходе от тотального отчуждения, а на острейшем антропологическом кризисе, равному которому не было со времен неолита [12, с. 3]. В том числе, этот антропологический кризис находит свое выражение во множественных формах отчуждения, некоторые из которых носят абсолютно новый характер и обусловлены сложением глобального сообщества: отчуждение западной цивилизации от не-Запада, новые виды неравенства и подавления людей вне западной цивилизации, возникновение новых форм отчуждения, порожденных современным этапом постиндустриального развития [12, с. 15–16].

Положительными моментами либеральной интерпретации, прежде всего, в варианте, представленном работами Киселева, выступают, как мы полагаем, три основных аспекта. Первый заключается в присутствии социально-критического настроения в анализе. Второй состоит в том, что одним из важнейших направлений исследования является выявление и рассмотрение новейших конкретных форм отчуждения. Третий немаловажный аспект – взвешенное рассмотрение проблемы судьбы отчуждения в человеческой истории, то есть наличия или отсутствия его преходящего характера. Но присущи данной стратегии и отрицательные моменты. Основной из них – наличие выраженного момента идеологизации проблемы, когда авторы, придерживаясь данной стратегии, обращаются ко временам «реального социализма». Насколько отчуждение было тотальным тогда, насколько далеко в нынешних условиях зашли процессы реификации, – по нашему мнению, эти вопросы выступают как дискуссионные, требующие своего дальнейшего исследования. Но в чем мы уверены, так это в том, что никакой однозначности по принципу «черное – белое», «тотальное отчуждение – не тотальное отчуждение» в области рассмотрения этого феномена и содержания соответствующей категории быть не может.

Возрожденным в постсоветской философии оказался и подход, который можно обозначить как экзистенциально-феноменологический. Как известно из истории философии, одними из первых экзистенциалистские идеи сформулировали именно русские мыслители – Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов. Сегодня такой подход к проблеме отчуждения развивает, к примеру, А.И. Беспалов. Основная особенность этого подхода заключается в истолковании сущности отчуждения. Отчуждение рассматривается как происходящее в сознании человека и имеющее принципиально внеисторический характер [13, с. 99]. Такое понимание имеет ряд следствий.

Во-первых, отрицается момент, что предыдущая история должна пониматься как история тотального господства отчуждения (процессы отчуждения не преодолеваются, но и не усугубляются). Не только отчуждение всегда возможно – всегда возможно и присвоение как обратный отчуждению процесс [13, с. 98, 168]. Во-вторых, из первого положения вытекает отрицание самой возможности в будущем окончательно освободиться от всех проявлений отчужденной деятельности, даже при достижении любой сколь угодно прогрессивной ступени самого общественного развития [13, с. 98]. В-третьих, если и

рассматривать возможность преодоления отчуждения, то ее надо рассматривать как индивидуальную экзистенциальную задачу каждого конкретного субъекта [13, с. 99].

Данная стратегия, основанная на признании того, что отчуждение всегда возможно, так же как и обратный ему процесс присвоения, конечно, совершенно правомерна. Однако правомерна она лишь тогда, когда отчуждение рассматривается в качестве социального феномена. Но в случае экзистенциально-феноменологической стратегии рассмотрения отчуждения, по сути, носит сугубо духовно-психологический характер. Соответственно данная стратегия предоставляет достаточно широкие возможности для анализа функционирования отчуждения на индивидуальном уровне и форм проявления отчуждения в психической сфере человека. Но эти возможности далеко не достаточны для исследования отчуждения на социальном уровне, к чему, собственно говоря, экзистенциально-феноменологический подход не приспособлен, да и не стремится. Но, в целом, согласиться с общим положением данной интерпретации, что отчуждение есть нечто существующее лишь в сознании человека, не можем. Слишком много свидетельствует в пользу того, что оно все же есть объективно существующий процесс, связанный далеко не только с психической жизнью отдельного индивида [14, с. 100].

Таким образом, нам представляется, что из всего предыдущего изложения вполне логично сделать вывод, согласно которому современная отечественная философская мысль предоставляет ряд небезынтересных когнитивных стратегий анализа проблемы отчуждения. Отметим, что каждая из этих стратегий обладает собственными положительными и отрицательными сторонами, обуславливающими дальнейшие перспективы исследования проблемы отчуждения в рамках современного плюралистического общества.

Список литературы

1. Ильенков Э.В. Гегель и «отчуждение» // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 141–152.
2. Ильенков Э.В. О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа (О книге А. Шаффа «Марксизм и политический индивид») // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 170–199.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
4. Сапрыкин В.А. Марксизм, социальный прогресс и будущее цивилизации // Марксизм и современность. Киев, 2005. № 1–2. С. 53–62.
5. Бугалин А.В., Колганов А.И. Социалистические революции XX века // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 72–86.
6. Малышева Д. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // МЭ и МО. 2000. № 3. С. 90–97.
7. Барулин В.С. Социально-философская антропология. Человек и общественный мир. М.: Академический проект; Альма Матер, 2007. 600 с.
8. Лапин Н.И. Отчуждение // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 181–182.
9. Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12.
10. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17.
11. Киселев Г.С. Современный мир и «новое» религиозное сознание // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 18–33.
12. Киселев Г.С. Человек, культура, цивилизация на пороге III тысячелетия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 87 с.
13. Беспалов А.И. Отчуждение деятельности как философская проблема: дисс...канд. философ. наук. М., 2004. 204 с.
14. Шетулова Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе: дисс. ... докт. философ. наук. Нижний Новгород, 2010. 310 с.

THE STUDY OF ALIENATION IN THE POST-SOVIET PHILOSOPHY: COGNITIVE STRATEGIES

E.D. Shetulova

The article is devoted to the analysis of concept of alienation in post-Soviet philosophy. The main task of research work is the classification and identification of specific existing approaches. The author analyzes ideas about alienation in modern Russian Marxist, liberal, existential and phenomenological traditions.

Keywords: alienation, world view, methodology, reification, dehumanization, corporate capital, total alienation, freedom, anthropological crisis.